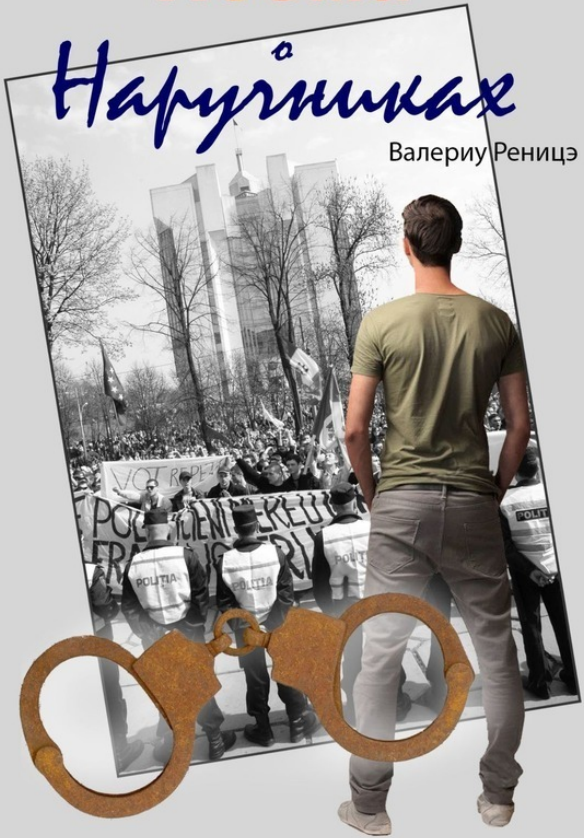
Поэма о Наручниках

Валериу Реницэ



Валериу Реницэ
Поэма о наручниках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435973
ISBN 9785005018724

Аннотация

После твиттерной революции успешный политолог, состоявший на службе старой власти, попадает по ложному обвинению в следственный изолятор. Страх осуждения, желание вернуться в семью и к нормальной жизни вынуждают его заискивать перед новыми правителями. Эта книга о трудном поиске свободы в обыденном и духовном мире. Автор – дипломант международного литературного конкурса «Лучшая книга года» с романом «XXI хромосома» (Берлин, 2018 г.).

Содержание

По правде говоря… 5
1. Дома 9
2. СИЗО 16
3. Адвокат 25
4. Бачул 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Поэма о наручниках

Валериу Реницэ

Редактор Нина Горбачёва
Дизайнер обложки Юрий Бурлаку
Фотограф Андрей Мардарь

© Валериу Реницэ, 2019
© Юрий Бурлаку, дизайн обложки, 2019
© Андрей Мардарь, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-1872-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю признательность и благодарность первому читателю этой книги, Мастеру литературы, председателю Ассоциации русских писателей Республики Молдова, поэту и публицисту Олесе Рудягиной за вдумчивое прочтение текста и практические рекомендации, касающиеся лексики и стилистики текста.

Автор

По правде говоря… Беззлобные заметки о повести Валерия Реницэ «Поэма о наручниках»

Читая новую повесть этого пока еще новичка в русско-молдавской прозе, отрадно наблюдать, как совершенствуется его писательский почерк по сравнению с предыдущим романом *«XXI хромосома»*. Повествование – более динамично и увлекательно, диалоги – более содержательны и афористичны, стиль освобождается от румыноязычных калек, отчего язык рассказчика обретает естественное русское звучание.

Неоспоримым преимуществом повести является то, что автор ввел в нее реалии и атмосферу правящей, так сказать, элиты и ее окружения – советников первых лиц, принимающих важные для страны решения, судебно-чиновничью братию, придворных журналистов, приподняв таким образом, тайную завесу в секретный мир, где делается политика и распределяются богатства. До сих пор туда доступа нашему простому читателю не было, и в этом новизна произведения, тем более что автор знает изнутри эту сферу, поскольку и сам поработал в ней не один год. Поэтому его наблюдения и вы-

воды особо ценны для непосвященных, т. е. для нас с вами.

В основу сюжета положена история заказного уголовного дела по обвинению в коррупции известного приближенного «ко двору» политолога и его долгого запутанного судебного процесса, хотя в правовом смысле оно, как говорится, выеденного яйца не стоит. Человек просто стал жертвой разборок между власть предержащими. Читательский интерес подогревается благодаря недолгой тюремной отсидке главного персонажа в СИЗО и описанию без прикрас нравов и быта тюрьмы со всеми ее обитателями, включая начальников и надзирателей. В целом же данная история помогает писателю высветить пороки, психологию и методы правления руководящей элиты с верхнего до нижнего этажа социально-государственного строя.

Однако боюсь, что рядовые читатели довольно смутно воспримут содержание повести, поскольку в ней недостаточно четко прописаны сюжетные линии. Иными словами, повести присуща некоторая размытость сюжета, именуемая эстетами *потоком сознания*, по которому они выставляют оценки прозаикам за талантливость и модерновость. Уверен, что от них автор получит отличную оценку. Тем более что порой сюжетно-временные сдвиги и недоговоренности перемежаются у него довольно сумбурными внутренними монологами главного персонажа, что тоже добавляет очки современным прозаикам. С другой стороны, подобные литературные «блюда» нашему массовому читателю не по зубам, не дозрел

он еще до интеллектуальной прозы.

Видите, как легко и незаметно можно переступить привычную границу между похвалами и упреками! Но в этом нет ничего неестественного, ведь на этот случай существует подходящее изречение: «*Наши недостатки являются продолжением наших достоинств*».

Впрочем, я не вполне уверен в правоте моей критики *потока сознания* применительно к В. Реницэ. Может, устарел со своими оценками, а может, встревожился, как бы этот поток не унес нашего автора слишком далеко от родных берегов традиционной прозы. Потом успокоился, подумав: в конце концов, у каждого из нас есть свой авторский темперамент, свои подходы, своя художественная оптика, поэтому не следует навязывать *всем свое,* как это иногда позволяю себе я. В чем и раскаиваюсь. И вместе с тем тихо радуюсь, что некоторые мои предварительные замечания были учтены автором при доработке рукописи. Жаль только, что не убедил его назвать книгу иначе, – например, *«Танец в кандалах»*. Не стану здесь аргументировать – это на уровне интуиции. Однако почувствуйте сами разницу, как говорится!

В заключение хотелось бы подсластить критическую пилюлю, отметив еще два больших плюса представляемой повести. Во-первых, это замечательные страницы любовной истории главного героя и его супруги, написанные лирически тонко и психологически точно. Во-вторых, *истинно писательская находка*, притом по-настоящему модерновая:

органичное вплетение в ткань повествования научно-фантастических догадок героя о чудесах квантового поля и корпускулярно-волновой теории. Это придает композиции объемность во времени, а произведению в целом – философский смысл.

И главное: с третьей попытки, точнее говоря, третьей книжки, *Валерий Реницэ нашел свой голос и свою стезю в нашей русскоязычной молдавской литературе.*

Борис МАРИАН,
член писательских союзов Молдовы,
России и Украины

1. Дома

«Pina la bulevardul Stefan cel Mare!»[1] – прохрипели динамики.

«Ну, и куда дальше, Олежка? – с притворным воодушевлением спросил я себя, подперев никелированную стойку троллейбуса. – Обратно в темницу?»

Зависит от судьи, от того, как быстро возьмут в оборот мое дело. Свои решения Апелляционный суд принимает за год, а то и за два, но не в моем случае. Со мной разберутся быстро, за пару месяцев! В школе мне легче давались сочинения об одном каком-то дне, о Первомае, скажем, или о субботнике. Писать о том, как провел лето, было нудно и противно. Я все чаще ловлю себя на мысли, как мучительно будет рассказывать сыну о зоне. Государственный обвинитель просит восемь лет! Но кто знает, может, суд будет ко мне справедливым или – обхохочешься – милосердным… Может, меньше дадут, или условно, если вдруг захотят вникнуть в то, что было на самом деле. Что же теперь? Уйти в запой, как в студенческие годы, когда вылетел пинком под зад из политеха? Надо же как-то преодолеть обратное расстояние до той знакомой черной калитки «Кузнеч-

[1] «Только до бульвара Штефан чел Маре!» (рум.)

ки». СИЗО[2] называют еще тюрьмой Котовского, того самого грозного гайдука и легендарного героя Гражданской войны. Григорий Иванович сбежал из этого старого-престарого тюремного замка в начале прошлого века. Если приговорят, то я в любом случае вернусь сюда. Затем по этапу переведут подальше от столицы – в Леово или Липканы. Это мне обстоятельно объяснили в обезьяннике[3]. После пятимесячного заключения меру пресечения отменили. Я трогательно распрощался с сокамерниками, вышел через черную калитку и направился в родную квартиру на Чеканах.

В стеклянном лесу глаз отдыхает, не то что на грязных витринах подземного перехода. Правда, из моей хрустальной обители не так просто выйти. А выход из дурно пахнущей подземки как-никак глоток свежего воздуха! Прошлындав чуть больше квартала, вздрогнул, сердце заледенело, хотя от зноя дышать нечем: кругом молдавское бабье лето. Вдали чернеет, как запеченный початок кукурузы, Президентский дворец. Меня арестовали утром на третий день после твиттерной революции. Дворец еще дымился, через разбитые витражи выпирали тайные знаки власти. Булыжником – по стеклу… Осколки падали, словно большие куски льда на борт «Титаника». Чей все-таки сценарий? Русских, румын? Последних, скорее всего! Румыния —партнерша Вашингтона, а американцы больше всего ненавидели прави-

---

[2] СИЗО – следственный изолятор.

[3] Обезьянник – камера предварительного заключения.

тельство левых. Правым, наоборот, сразу выказали любовь, признание можно прочитать даже на мусорных баках: «Приобретено Правительством США». Пять месяцев прошло после бунта, а люди, похоже, продолжают страдать бессонницей, у некоторых пассажиров красные глаза… Гадают, наверное, будет или нет гражданская… А может, вчера была среда, Лига чемпионов? Люди ищут в смартфонах и за окном точку опоры, а я пытаюсь привыкнуть к воле. Через несколько месяцев, даже через несколько недель кошмар может повториться. Для меня это – завтра…

В СИЗО я пережил сильный шок, словно ополоумел. Все прошло тихо и незаметно, вечерком, после первого знакомства с сокамерниками. Я лежал на верхней шконке[4], отвернувшись к стене, и задавал себе один и тот же вопрос: неужели я настоящий? Я упал на мгновение в обморок или проник в другое измерение. Мне представился невозможный объект в четырехмерном пространстве: что-то подобное мне чудилось в детстве, когда меня чуть не убила болезнь – разразившаяся одновременно с пневмонией корь. Я крикнул: «Черт, на что же я наткнулся?!» Крик отключил сознание, мука отступила, я лишь почувствовал в голове блаженное шевеление, похожее на тихий шелест леса после грозы. Этот лес смахивал на молодую рощу, что недалеко от моей дачи, по ту сторону озера. Затем все остановилось и застыло. Стеклянный лес ядовито-зеленого цвета и больничный запах йода.

---

[4] Шконка – койка.

В стеклянном лесу не стоит долго задерживаться. Из него три выхода. Один из них ведет на пасеку, к ульям с золотистыми медовыми сотами. Чтобы постучаться в дверь желтого вагончика хозяев пасеки, что на краю лесополосы, нужно пройти по узкому неухоженному полю, где нежные травинки сплетаются с прошлогодними желтыми стеблями. Самих ульев я никогда не видел. Вдоль хозяйства на расстоянии двадцати шагов друг от друга пасеку сторожат необыкновенно большие белые в коричневых пятнах кавказские овчарки. Один пес, одна дощатая будка – как на картинке. У моего друга была такая же огромная собака. Ее острые зубы впились мне в левую руку ниже локтя, несмотря на отчаянные и громкие команды хозяина «Фу!». Глубокую рану пришлось зашивать на хирургическом столе. Я побаиваюсь этих зверей: они сильные, злые и тупые. Когда я первый раз обнаружил собак, сразу попятился, хотя они находились на большом расстоянии и не лаяли. Хорошо бы этими монстрами войти неожиданно в сон моих недругов, подумал я, как только включил дома компьютер и стал проверять сообщения. Какой-то тролль написал в «Фейсбуке»: «Олегу Журавелю каюк! Тебе не уйти от справедливого наказания!» Несколько друзей почему-то лайкнули этот подлый пост. Почему? Ведь некоторых я считал больше, чем френдами. Я открыл свою последнюю статью про революцию, когда исход событий был уже ясен. Публикация обросла комментариями. Некий Иоан Богослов написал первым: «Коммуняк на виселицу!»

Ночью ласки Лили спасали от безразличия и хрустального мрака. В обезьяннике я виделся с женой всего лишь два раза, чтобы обговорить главное. Почти полгода я жил ее родными запахами, которые цеплялись за еженедельные продуктовые передачи, как приложения к электронным письмам: плацынды с брынзой или ореховое варенье пахли ее ладонями, в чистых футболках угадывался запах душевой, где мы по молодости любили друг друга. Само слово «лимонад» напоминало запах счастливых вечеров на даче. Всю поступающую от родных сладкую воду – в упаковках с одной и той же этикеткой – пускали по договоренности кума[5] с положенцем[6] на самогон. Запахи Лили нагоняли страх на полупрозрачных женщин, которые выскальзывали из темноты леса обратно в мятые игральные карты сокамерников. За ними конвейером следовали, словно языки пламени, сердечки-червы.

Следующее погружение в стеклянный лес было прервано из-за разговора с сыном. Точнее, мы с Сашей решали допоздна задачу с летящими в точки «А» и «Б» фотонами.

– Вам говорили про кота Шрёдингера[7]? – спросил я сына. Он покачал головой. – В школе мой учитель физики рассказывал анекдот про этого дохлого и одновременно живого

---

[5] Кум – оперработник.

[6] Положенец – в криминальной иерархии человек, принимающий решения на закрепленной за ним территории.

[7] Кот Шрёдингера – мысленный эксперимент физика-теоретика Эрвина Шрёдингера.

кота.

Я не смог сразу вспомнить анекдот учителя, милого забавного Буратино: на переменах он всегда жевал «Золотой ключик». В строгом костюме, при галстуке, учитель размышлял у доски, роняя голову на грудь. Острой деревянной указкой в правой руке он поправлял вспотевшие на лбу волосы, а длинными сильными пальцами левой крутил, словно папиросу, крупный кусок мела. Сын давно обходился без меня в освоении школьной программы, ему скоро стукнет девятнадцать, на носу экзамен бакалавра. Я решил, что задача – просто предлог завести со мной разговор после долгого расставания. Но его вопросы звучали искренне и заинтересованно: «Как это возможно, пап, чтобы результаты эксперимента зависели от наблюдателя? Бог играет с нами в кости?» Было чему удивляться… После прохождения света через двойную щель на экране отображалась широкая радужная картинка интерференции, похожая на штрихкод. А когда перед полосками подкладывали датчики счета фотонов, картинка, словно обиженный ребенок, менялась в лице. Она становилась более простой: на экране отсвечивались всего лишь две толстые линии, словно кто-то выстрелил через щели картечью.

Отбираю всю одежду черного цвета и аккуратно кладу обратно на верхние полки шкафа. Затем, после недолгого размышления, выбираю джинсы и рубашки серых тонов… С презрением отфутболиваю все остальное в коридор. Вы-

бросить бы все к черту! Но мысль о необходимости выйти за дверь и дойти до мусорки парализует волю. В СИЗО я сблизился с гагаузом Петей, одногодком, дважды арестованным за нелегальное хранение оружия. «Что же они не потушат пожар?» – спросил он на другой день моего заключения, прежде чем прихлопнуть форточку ударом твердой ладони. Президентский дворец горел уже несколько дней. «Пожар – это пиар» – ответил я как профессиональный политолог. Огромное черное облако зависло над центром столицы, касаясь одним крылом «кишиневского замка». Мрачные мысли настраивают на неудачи. Всплыли мои потерянные два курса электрофизического факультета, а вместе с ними – крепко усвоенный урок: дым, стены, койки, тумбочки – все вокруг, включая меня и самого гагауза Петю, все состояло из маленьких субатомных частиц: пустоты и сгустков пустоты. Этой осознанной пустоте легче было вернуть отрицательную энергию. Петя выслал мне на волю по «Вайберу» фотку нашей «хаты» с грязно-зелеными стенами и желтым потолком и подписал: «Надеюсь, не вернешься…» Снимок был сделан против света, поэтому на половине окна не было видно решетки. Нижняя шконка была накрыта моим теплым одеялом. Гагауз Петя уступил мне свою койку на третьей неделе содержания. Из уважения, как он признался, к моим выступлениям на ток-шоу. Тюремная романтика… Телевизионная популярность редко срабатывала, когда мою машину тормозила дорожная полиция.

2. СИЗО

Благополучие нашей «хаты» в СИЗО держалось на особом отношении гагауза Пети и положенца. Кто знал гагауза, понимал суть этой связи. Петя сумел спрятать целый склад оружия во время похода молдавских волонтеров на Комрат [8]. Он был вторым или третьим человеком в гагаузском ополчении. Избежать тогда крови помог болградский десантный полк из соседней Украинской ССР. Мрачные, защитного цвета корпуса БМП выстроились у черты городишка против плохо вооруженной кишиневской шпаны, мобилизованной Народным фронтом. Молдавские спецслужбы знали точно, что гагаузы получили от братского Приднестровья взрывчатку, большую партию АК-74 и гранатометы со складов Колбасны[9]. Схрон начали искать, как только гагаузы поостыли, получив с подачи Совета Европы статус автономии. Долгие и нудные поиски склада результатов не принесли. Измученные опера связали гагауза Петю, подсунув ему в гараж пару пистолетов и патронный цинк, несмотря на то, что была объявлена амнистия всем тем, кто создавал Гагаузскую республику.

В обезьяннике редко отвечают откровенностью на откро-

---

[8] Комрат – город на юге Молдовы, столица АТО Гагаузии.

[9] Склады Колбасны – оружейные склады, принадлежащие по праву МО РФ в с. Колбасна, Приднестровье.

венность, но все же… Я рассказал гагаузу Пете мою незатейливую историю о плохом добре – о добре, которое оборачивается в конце концов злом. Десять лет назад я сдуру согласился временно занять должность главы сельской администрации и помог одной женщине приватизировать двадцать пять соток государственной земли.

– Тогда и надели на тебя наручники? – недоверчиво спросил гагауз.

– Нет… только сейчас, спустя десять лет… Накопали… по наводке.

– А срок давности?

– Статья о превышении должностных полномочий… Давность – пятнадцать лет!

Петя рассмеялся:

– Это что! Говорят, при Сталине одному российскому академику дали десять лет за то, что хотел угнать Волгу на Запад. Не автомобиль, а реку. – Он сильно ударил ладонью по своей надутой мышцами штанине и по-бычьи нагнул голову.

Два дня спустя, возвращаясь к разговору, он посоветовал мне идти ва-банк. Если прогибаться, то только перед бугром[10].

– Иди к самому Бачулу[11], он же всем рулит!

---

[10] Бугор – бригадир.

[11] Бачул (рум. baci) – главный пастух; администратор овчарни или старший над чебанами овчарни; костеметатель в детской игре в кости.

Бачулом называли за глаза лидера правой партии, который шаг за шагом прибирал к рукам власть во всей стране. Кличка обозначала миссию по согласованию всех самых важных политических процессов в стране: законодательных, правовых и правительственных. Видимо, слова «плеймейкер», «координатор», которые в большей степени соответствовали такому широкому амплуа, были слишком емкими и аристократичными для самодержца с деревенским мышлением.

– Подкопов подходящих реально нет!

– Да уж найдешь, если свобода дорога! Ты брось хорохориться, Олег, будь смирнее! Понимаю, ты человек не простой, головастый. Но политиканы… Они же все на одно лицо, что гагаузы, что молдаване… Не все ли равно, какому дьяволу служить? Хуже не будет…

С двумя другими сокамерниками я общался реже. Толстощекий задиристый Анастас величал себя узником совести и по глупости думал, что этот надуманный статус обеспечивает ему неприкосновенность. Воры развели его в «секу» и чуть не заставили заложить квартиру под выдуманный карточный долг. Если бы не вмешался Петя, его давно бы опустили… Дураком Анастаса все-таки считали не все. Он стал известен после подставы в столичном комиссариате. Полицейские выложили его пьяным в соцсетях. Когда у него выпытывали в дежурной части фамилию, он, сильно шатаясь, смог лишь пробормотать: «Товарищи-и-и… это… это архи-

важно!»

Под шконкой Анастаса место Москвича, дипломатического работника, ждавшего решения своего дела о взятке. Паренек изловчился получить место в молдавском посольстве в России. До прибытия в первопрестольную он занимался распространением газет, флаеров, футболок и кепок с партийной рекламой, выполнял мелкие поручения районных боссов, чтобы зря не топтать сельскую грязь. Слил его сам консул посольства, с которым он «мутил» по белым паспортам подлежащих депортации молдаван. Работы было по горло, с утра до вечера у ворот посольства на Кузнецком Мосту ждала толпа гастарбайтеров. Каждому нужно было объяснить, как, обойдя российский закон, остаться честным эмигрантом, чтобы и дальше укладывать плитку на Рублевке. Деньги передавали в кафешке за углом, а дальше по схеме… Сначала Москвич думал, что это политическая месть, ведь начальник состоял в левой партии, которую спихнули с власти. Но потом догадался, что консул просто завидовал ему. Почти все заработанные деньги Москвич тратил на модную одежду, дорогую выпивку, крутые телефоны и безотказных девушек.

– Рай! – оценил он свою московскую жизнь.

– Поэтому и сидишь! – возразил ему Петя.

– Это почему же? – недоумевал Москвич.

– Потому что в раю ты никогда бы ничему не научился!

Вечерами Анастас и Москвич до дури спорили о политическом устройстве страны. Из левой партии Анастаса вышвырнули за то, что обвинил лидера, бывшего президента, в предательстве партийных интересов и незаконном обогащении. Старик терпел-терпел, а потом решил наказать младшего товарища. Для начала подбросил одному телеканалу сфабрикованные документы о сотрудничестве парня со спецслужбами. Разозлившись, Анастас сделал заявление для прессы и стал устраивать флэшмобы у здания собственной партии. Докричался… Формально его задержали за хулиганство во время протеста, когда он пытался пристегнуться собачьей цепью к двери прокуратуры. В статьях об отступнике газеты брали в кавычки словосочетание «политический заключенный».

Москвич с издевкой спрашивал Анастаса, как старого большевика: «А вы Ленина видели?» и обычно продолжал: «А за какие такие идеи страдаете?» Программа новых коммунистов была заточена под либеральные реформы, чтобы получать гранты и кредиты от Евросоюза. Когда партия ушла в оппозицию, идеологи покинули ее первыми. Недоученный марксист Анастас боролся против олигархии, не подозревая, что первой программной задачей коммунистов всегда была отмена частной собственности. Москвич брал иногда с тумбочки красную брошюрку с уставом и программой левой партии и, листая, спрашивал: «Ну-ка, ну-ка, объясните мне

доходчиво, что такое „пролетариат знаний“?» Анастас, как и все мы, не верил в молдавскую юстицию, но доверял своему мозговитому адвокату. Не потому, что тот мог решить что-то в нашем суде, а потому, что при грамотном подходе к делу можно было потом отыграться в Страсбурге. Хотя и в ЕСПЧ[12] очередь была на годы вперед.

Настоящая жизнь в обезьяннике начиналась после отбоя. К полуночи налаживали «дорогу жизни»: систему транспорта писем, мешочков, коробок, самогона и мобильных телефонов, которые распределялись по воровским предписаниям. Царапая кисть руки о решетку, Москвич бросал в соседние окна канат из скрученной простыни с прикрепленными к концу посылками. При удачном броске он довольно цокал языком. Гагауз Петя помогал Москвичу советами и сам привязывал к концу каната необходимый груз. Я перечитывал первые главы «Процесса»[13], появилось время все же дочитать эту книгу до конца. Все, кроме дремавшего Анастаса, грызли печенье из последней передачи. Тюремную баланду пробовали редко, еженедельно в «хату» поступали по две-три посылки с продуктами и домашними яствами.

Все близкие Анастаса были за границей, но это не помешало справить ему по-людски день рождения. Выпили

---

[12] ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека с местонахождением в Страсбурге, Франция.

[13] «Процесс» – роман Франца Кафки.

по пятьдесят самогона, хлопали смущенного сироту по плечу. Вторые пятьдесят пили за нового министра юстиции, который подписал приказ о пересчете одного дня заключения на два из-за нечеловеческих условий в СИЗО. Со временем высланная гагаузом Петей фотка нашей «хаты» перестала напоминать мерзостные детали тюрьмы: парашу[14], сырые и темные продолы[15], запах табака, смешанного с человеческими испарениями…

Я распечатал фотку на принтере и хранил ее в выдвижном ящике вместе с черновиком заявления жены о разрешении на передачу. Подпись Лили, номер паспорта – все как положено.

«Макароны – 3 пакета, сало – 1 кг, трусы – две пары, хлеб…» На таких малявах[16] стоит моя подпись о факте получения с обговоренным недочетом. Коридорному[17] тоже нужно было отстегнуть пачку сигарет или несколько ложек кофе на ночь.

Ближний карает ближнего, но он, по обычаю, поднимает глаза к небу, чтобы спросить, чем согрешил, за что осужден.

«Нет бога, кроме квантового поля, и Эйнштейн пророк

---

[14] Параша – унитаз в камере.

[15] Продол – тюремный коридор.

[16] Малява – письмо или записка, которая нелегально передается заключенными из тюрьмы на свободу или же из камеры в камеру.

[17] Коридорный – надзиратель.

его», – так я в шутку сформулировал суть своей созревающей в тюрьме веры. У этой религии свой гимн. Я послушал его однажды ночью на YouTube, поймав на конце каната смартфон, который выменял на блок «Мальборо»:

«Turn off your mind relax and float down stream, / It is not dying, it is not dying, – тихо пел Джон Леннон. – Lay down all thoughts, surrender to the void, / It is shining, it is shining»[18]. Мечтатель-певец стал однажды причиной мирового скандала. «Христианство погибнет, – заявил он. – Нет необходимости это доказывать. Я прав, и вы увидите, что я прав. „Битлз“ сегодня более популярен, чем Иисус Христос. Я не знаю, что исчезнет первым, рок-н-ролл или христианство».

«Хата-кубышка», три на три на три, наполнена ночной пустотой и спокойным дыханием отсыпающихся. Либо мы все невинны, либо все грешники и преступники. «Милость выше права, – твердит иногда Москвич, цитируя мудреца, – прощение выше справедливости!» Все, что за тюремными стенами, не лучше и не хуже самой тюрьмы.

Лишь отпавшие от Христа оправдываются законом… Нужно было возненавидеть все, кроме покоя, кроме сумеречного, тихо жужжащего пространства. Низвергнуть из сердца мир! Этого можно было добиться тихим плачем. Тайные слезы приносили один и тот же сон: я пытаюсь

---

[18] «Отключи свой ум, расслабься и плыви вниз по течению, / Это не смерть, это не смерть…/ Оставь все мысли, поддайся пустоте, / Это сияние, это сияние» (англ.). Песня Tomorrow never knows группы The Beatles.

прогнать сластолюбивого пса, держа в одной руке камень, а в другой – хлеб.

3. Адвокат

– Вы к адвокату? – осведомилась женщина, выступив из проема двери. Замазанный сиреневой эмалью витраж на лестничной клетке высветил в сумерках ее живые глаза. – Сейчас!

Несмотря на тучность, женщина проворно шмыгнула вовнутрь. У порога осталось желто-грязное пластмассовое ведро. Сколько времени я не видел Георгия Азима? Вроде встречались после университета… Возможно, это могло мне показаться из-за его тогдашней популярности. Газеты часто публиковали его оригинальные реплики на заседаниях первого парламента. Однажды он воскликнул в сердцах с депутатского кресла: «Можете снять Котовского, но хоть оставьте на постаменте его боевого коня! Антикоммунисты хуже коммунистов в бессмысленной борьбе против памятников и названий улиц!» В другой раз на встрече с избирателями его спросили: «Объясните нам, ради Христа, господин Азима, кто мы, все-таки: молдаване или румыны?» – «Дураки, вот кто!» – ответил он.

Странно, что бывший депутат, убежденный холостяк, не обремененный заботами о семье, жил в хрущевке.

– Не разувайтесь, у нас кафель… Жора, к тебе! – неожиданно фамильярно позвала домработница.

В чистой гостиной стоит резкий запах лекарств. На бе-

жевом покрывале дивана сидит, скукожившись, худой человек с бледным овальным лицом и римским носом. Он одет в малиновую теннисную рубашку с фирменным крокодильчиком на кармашке и допотопные шаровары баклажанного цвета. Тихо льется народная мелодия, но телевизора не видно. Только несколько мгновений спустя замечаю черное, словно игрушечное, радио за вазой, стоящей на голой с мелкими трещинами столешнице.

– Проходи-проходи, Олег, садись и… не стесняйся! – Азима щурится и, как всегда, шутит. – Это действительно я, но… немного отформатированный жизнью… и чуть-чуть хворью… – Адвокат болезненно улыбается.

Он протягивает руку навстречу моей, но находит ее только со второй попытки. Пальцы Георгия мягче губки. «Как у гея!» – подумалось, словно отозвавшись эхом только нам известной непристойной истории. Сажусь рядом, стараясь не наступать на истертый персидский ковер салатового цвета.

– Роскошная нищета! – Азима продолжает сыпать шутками. – Не удивляйся, все спускаю на пилюли и уколы. Слепну… Мой Айболит, замечательный профессор, бывший приятель по парламенту, сказал, что за пару годков я медленно погружусь во мрак. А-а, – он поднял вверх указательный палец, – может, и нет! Может, достану денег на лечение… Хотя, – он вдруг с большой точностью, вводя меня в замешательство, хлопнул ладонью по моей ляжке, – если из бесно-

ватого выгнать дьявола, то хоть по Марку, хоть по Матфею, вылечивается и слепота, и немота. Конец цитаты! – Он вскинул голову, вслушиваясь в тишину дома и, чуть поднимая голос, позвал: – Галя-я! Свари-ка нам с товарищем кофе, да покрепче! – Потом объяснил, оборачиваясь ко мне: – Галя из моей деревни. – И неуверенно добавил: – Сиделка… Кофе мне тоже нельзя, давление, но с тобой буду, соблазн бешеный…

Вот он, Азима, на узком диване, старик стариком! Хотя насколько он старше меня? В школе-интернате, куда я перешел учиться в восьмом классе, Георгий был в десятом, но в моих путаных воспоминаниях он почему-то возникал учителем. В то время и случился между нами конфликт, правда, подзабытый с годами. После школы судьба еще раз столкнула нас. Я нашел его вновь после демобилизации из армии на историко-юридическим факультете. Я только поступил, а Георгий учился уже на четвертом курсе. Когда вышел срок депутатского мандата, Азима вернулся к преподавательской работе в университете, а позже обзавелся адвокатской лицензией. Жена назвала его имя на свиданке, когда подбирали защитника из недлинного списка: «Знаешь его все-таки… Поймете друг друга!» Я горько улыбнулся.

– Ну а ты как? – Азима внимательно изучает меня, пользуясь, видно, тем, что хорошее зрение возвращается к нему время от времени. – Что же порвал с прежним адвокатом, неплохой ведь? Как-никак вытащил тебя из СИЗО, а это

немало по нынешним временам. Понятно, проиграл в первой инстанции, да разве с тобой просто выиграть?

Галя принесла две чашечки кофе на серебряном подносе в виде миниатюрного спартанского щита.

– Слушай, я как раз тот, кто тебе нужен, – с неожиданной теплотой произносит адвокат. – Без пафоса и преувеличений… Дело в том, что я уже третий год веду клиентов по твоей статье. Я сам редактировал ее еще в юридической комиссии парламента, когда объявили о декриминализации экономических статей УК… Объявили по рекомендации Европейского совета и… Тут они смахивают на брежневцев. Усилить и ускорить… Помнишь… хи-хи-хи! – засмеялся вдруг Георгий своим желчным смехом, который помнился мне со студенчества. – Какие все-таки времена были, а, Журавлик? Империя-с! Великая страна, огромные возможности! – Он поднял подбородок и словно вонзился своим незрячим взглядом в прошлое.

«Догребем мы на этот раз до молодых лет, до нашей грошовой драмы? – подумал я. – Вряд ли…» Азима достал из кармана своих странных шаровар выглаженный чистый платок и вытер брызнувшие слезы.

– Извини, теперь давай по делу… Тебе говорили, что я недешево беру? Нет, я, конечно, не самый дорогущий в столице… Будем договариваться по часовому тарифу или?..

В среде профессиональных адвокатов работали два цеха: «борсетники», которые заносили судьям, и «честные», кото-

рые пытались вести дела строго по закону, надеясь на редких неподкупных судей. В моем положении я решил нанять мозговитого, но среднего по дороговизне адвоката. Жена поддержала: «Если что, продадим автомобиль… И дачу… Хотя жаль ее, она сейчас в разы дороже!»

Школьные годы вспоминались всегда вместе с веселой, характерной для того времени историей. Районный комитет ВЛКСМ[19] учудил смелый эксперимент – вечеринку школьной комсомольской организации на тему «Что такое любовь?». С поучительными примерами из советской действительности выступила райкомовский куратор – разодетая молодая особа с модной прической с начесом и крупным комсомольским значком на выпуклой груди. Любимчик учителя словесности и победитель районной олимпиады по русской литературе прочитал письмо Татьяны к Онегину, в то время как за толстой колонной зала торжеств шут из параллельного класса ерничал, проводя по щекам смоченными слюной указательными пальцами. Затем гитарист школьного ВИА исполнил песню Высоцкого про советские телефонные сети, которые предлагали «в кредит по талону любимых людей»[20]. Наконец пришло время дебатов, и все ждали, что кто-то нечаянно сорвет этот скучный и продолжительный фарс.

Первой вышла на сцену девятиклассница, известная тем,

---

[19] ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи; общественная организация СССР.

[20] В. Высоцкий «Ноль семь».

что сохла по учителю астрономии, но первая же обломалась. Слишком прозрачными выходили у девчонки намеки… Следом за ней появился высокий парень с волевым выражением лица, капитан баскетбольной команды. Глядя в серый потолок, он путал слова, кашлял и краснел. Наконец, чтобы спасти репутацию школы, на сцену выбрался Георгий Азима. Его знали как круглого отличника, свободно разговаривающего на французском с учительницами иностранного языка. «Да, – начал он, – мы тут… о воспетых поэтами нежностях. Но есть и другое высокое чувство… любовь к Родине!» В зале послышались мелкие смешки. «Тихо! – пригрозила районная кураторша. «Нет, ребята, вы не это самое… Я же вполне серьезно…» – попытался продолжить Азима, но раздались откровенные вздохи разочарования; на галерке затопали, пара старшеклассниц издевательски зааплодировала.

За месяц до выпускных экзаменов и произошел тот случай, о котором мы с Азима старались не вспоминать при встрече. По утвердившейся традиции к концу учебного года восьмиклассники и десятиклассники договаривались с учителями насчет кабинетов, где после уроков парами или группой можно было спокойно готовиться к экзаменам. Клава, моя девушка, решила вдруг «причалить» к кабинету французского языка, чтобы гарантированно получить консультации у самого сильного в школе по этому предмету. Клава насмехалась над моими ревнивыми выходками, а на вопрос, почему они с Азима закрываются на ключ, пожимала плеча-

ми: «Ты в своем уме? Он меня пальцем не тронет! Сама Света, ну, подруга его, знаешь, что о нем говорит? По-моему, он того… чуточку нездоров!»

Я пошел напролом. Дождался, когда Георгий уедет на республиканскую олимпиаду, и увел Свету с субботней дискотеки. На краешке стадиона, дуреющие от запаха цветущей акации, мы долго тренировали с ней фирменный поцелуй Фанфана[21]. Света глубоко расстегнула кофточку и изобразила легкий обморок… На другой день Азима ворвался в восьмой класс сразу же после консультаций. «Сопляк! – прошипел Георгий, раскидывая парты на пути ко мне. «А ты думаешь, – оскалился я, – никому не известно, отчего ты стелешься перед районным начальством?» Я лишь озвучил то, о чем не решались говорить другие: без показной «любви к Родине» Азима вряд ли поправил бы оценку по математике и никогда бы не получил золотую медаль. Мы поломали пару стульев. Он разбил мне нос, а сам побежал в медпункт зашивать рассеченную бровь.

---

[21] Фанфан-тюльпан – герой плаща и шпаги одноименного фильма (Франция, 1952).

4. Бачул

– Больше к нему тебя не подпустят… Все, что считаешь нужным, говори сразу при первой встрече… вторая вряд ли будет! – посоветовал мне адвокат, прощаясь. Бачул был его студентом, и Азима, следуя правилам старой чиновничьей школы, позвонил ему при мне, не откладывая. Он с трудом попадал указательным пальцем в мелкие кнопки старой нокии.

– Покровительство первого лица, конечно, дело знатное, но в то же время – немалый риск! – мрачно заметил адвокат, как только мы получили согласие Бачула на аудиенцию. – Вроде как от тюрьмы отмазан, но до приговора, как до Китая пешком. Не то скажешь, подстава какая-то и… прощай! Загудишь прямиком в места не столь отдаленные. Да еще срок дополнительный можешь схлопотать вдогонку!

Я последовал в переговорную за цокающей на шпильках по золотому паркету молодой девушкой, любуясь ее гибким станом. «Чай, кофе?» – протокольно спросила она, не скрывая мастерства виноватого взора. Как и до своего прихода во власть, Бачул устраивал по вечерам дела своих компаний, которые ютились под одной крышей его офиса. Многоэтажный исполин из темно-синего мрамора и сверкающей стали походил по архитектурному замыслу на дубайский

дворец. Офис находился на одном из кишиневских холмов, несколько кварталов западнее Дома правительства, и висел, как тяжелый утес, над столицей. Позолоченные обрамления шкафов и широкой столешницы в комнате для чаепития безошибочно указывали на принадлежность хозяина к тому небольшому проценту населения страны, который владеет всеми ее богатствами. Резали глаза контрастные краски широкой плазмы. Принадлежащий Бачулу «Девятый канал» крутил все тот же набивший оскомину сюжет ночного бунта: разъяренная толпа и блестящие щиты полиции перед Президентским дворцом. Раздражал еле слышный в высоких серых колонках скрежет от сгребаемого коммунальной службой мусора, разбитого дворцового стекла.

Бачул сдержал данное после твиттерной революции слово в тот день, когда коснулся своими пухлыми розовыми губами национального флага. Опытный оператор «Девятого канала» сумел передать необыкновенный блеск святости в глазах присягавшего. Развернулась небывалая для молодого государства борьба против коррупции, направленная в первую очередь против политических противников. Не тридцать седьмой год, не охота на ведьм, но все же… Какая-то полуопричнина, верный признак не совсем удачной революции. Говорили, будто составлен список неугодных. Арестовывали как явных сторонников бывшего режима, так и «коллаборационистов» – всех тех, кто мог бы поднять го-

лову. Меня относили, наверное, к последним… В идеологической команде бывшего президента, лидера левой партии, я был приглашен как технократ, мои консервативные взгляды мало кого волновали. Но разве теперь имеет значение, допущены ли ошибки в протоколах суда и следствия осознанно или из невежества? Я заказан!

Встреча с Бачулом длилась не более десяти минут. Он поздравил меня, не скрывая иронии, с освобождением и заверил, что мое «странное» дело будет решено. «Так или иначе!» – добавил он. Не было времени вникать, что за пакость могло скрыть слово «иначе». У Бачула был слащавый голос. Прощаясь у выхода, он фамильярно обнял меня за плечи. За время короткого общения он осторожно подбирал слова, скрывая свою пренебрежительную манеру речи и приписывая свои мысли обществу. «Большинство людей считает», «все ненавидят», то и дело повторял он. Меня не покидала мысль, что я очень давно его знаю. Не он ли был тем дядином приятелем, который в сельском клубе перед ночным сеансом, здороваясь, выбрасывал вытянутую ладонь вперед, целясь, как разведчик Вайс[22]

[22] Иоганн Вайс – имя советского разведчика из культового сериала о Великой Отечественной войне «Щит и меч» (1968).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.